

«Я СЫН – НЕБЕСНОГО НАРОДА»

Русь языческая и Русь христианская в поэзии Александра Орлова

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу!
Померкло солнце, не видать ни зги...
Тамбовский волк выходит на дорогу.

Ю. Кузнецов. Тамбовский волк

Эти ослепительно яркие и метафорически сильные стихи русского поэта совершенно не случайно определились в качестве эпиграфа к размышлениям о новой книге Александра Орлова «Ожившее солнце» (Воронеж, 2022). Если провести литературные параллели, то не менее впечатляет и его стихотворение «Волкодлак», аналогично поражающее своеобразным звуко-смысловым орнаментом:

*И я своим считался в стае,
Подвластен был мне молодняк,
И в молчаливом белом крае
Я долю заносил в общак.
И с вожжаком двойное соло
Мы превращали в волчий хор,
И в стае не было раскола,
Я был задирист и матёр.
И обходил силки лесничьи,
Меня убить пытались зря.
Я не скрывал любовь к добыче,
Хоть в спину били егеря.*

*В кругу волчиц во время гона
Я был, как раньше, одинок,
Но чувствовал, что обречённо
Земля уходит из-под ног.
И вылез я из бурой шкуры,
И притупил свои клыки.
Но вижу я вослед прищурь –
И сводит ночью желваки.
В письме к тебе, далёкий схимник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставив на снегу...*

Вот она – мощь и переключка образов, вызывающих закономерный интерес к русской культуре древности, и не только. Ведь без прошлого нет современности. Но что это за волк, уже появившийся у Александра Орлова и тоже заставляющий трепетать от дикого страха, пробуждая первородный инстинкт самосохранения? Да, вы не ошиблись, перед нами – человек-оборотень, принимающий волчий облик, сопряжённый со странным раздвоением-разделением. Почему такое же тревожное чувство вызывает и произведение «Волкодлак»? Мы не просто видим поэтический образ-аллегория: мы слышим само дыхание древнеславянского зверя, наглядно воплощающего языческие символы. Имя этому зверю – наше трагическое время, что длится давно, с конца девятнадцатого столетия, весь трагизм которого наиболее остро ощущается теперь, в начале третьего тысячелетия. Что делать нам, потерявшимся во времени? Мы принимаем исповедь автора-героя, которая, что поразительно, говорит не о его ликующих победах, а о страшных смертных грехах. Кроме того, испытываем невероятный эмоциональный накал, проникаемся уверенностью каждого изречённого слова, определяющего качество любого поэтического творчества. Сейчас, в эпоху скоротечных массовых коммуникаций, эпоху круто изменившихся нравственных и духовных ориентиров, всё не так: пишу стихи – значит, поэт, значит, участвую, выступаю, транслирую, публикую. Принято считать, что этого вполне достаточно. Учитывая нынешний упадок мифологической традиции, Александр Владимирович Орлов как профессиональный поэт-историк доказывает обратное – новаторство в искусстве должно иметь своим фоном старину. Он является автором семи стихотворных книг и трёх книг малой прозы, лауреатом многочисленных всероссийских и международных литературных премий, обладателем почётных наград – «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017).

Как известно, бытие ощущается в разных формах, усложнённых и упрощённых, причём в литературе оно отражается от экспериментальных до традиционных, стилистически выверенных подходах, методах подачи материала. И здесь важно отыскать свой способ передать поэтические образы миру, иметь свой особый, отличный от других голос. Литературно-художественное, духовно-нравственное, историко-культурное измерение поэзии Александра Орлова безгранично. Он искусно балансирует на

тонкой грани – между мифом, легендой и правдой истории, – обладая при этом острым публицистическим взглядом на мир. Будучи выразителем подлинного народного духа, поэт и прозаик черпает вдохновение отовсюду, испытывая тягу к самобытной и независимой жизни, к древнему русскому колориту.

Масштабность авторского мышления в новой поэтической книге проявляется выразительно и красноречиво: буквально в первом разделе «В местах небылиц» читательскому взору открывается историческая ретроспектива – поэтический космос народного бытования. Философский поиск всегда связан с внутренним преодолением: автор осмысливает национальные корни, чтобы помочь каждому из нас найти себя забытых. Его влечёт неведомый мир, который он непрерывно открывает в своей душе и в метафоричных, насыщенных красках переносит на историческую палитру, тем самым воссоздавая собственную реальность: «Я говорил в тиши с пустой дорогой, // Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих. // Она казалась мне вдовой убогой, // Делившей всех на мёртвых и живых». В глобальной обозреваемой картине мира дорога – объёмный философско-эпический архетип направления движения и следования. Традиция благочестивых хождений začínалась в стародавние времена. Классический канон русской литературы – пускаться герою, подобно Одиссею, в далёкие путешествия, обретая мудрость. Поэзия, как и жизнь, находится в бесконечном движении, в вечном странствии. Путь – важный пространственный образ, присущий народному духу достижения цели, когда вершится движение, развитие жизни, вершится человеческая судьба. Хотя нечто загадочное стоит искать у себя дома и не предавать забвению истоки прошлого:

*Но кто она? Истоптанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа...
Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немыта и лукава,
На ней исчезли воины и вожди.*

Александр Орлов опирается на прочную национально-историческую почву и ставит такую же основательную задачу – поднять родовую генетическую память, стремится, как это делали древние философы и мудрецы, «очертить настоящее во времени». Огромная панорама Вселенной – бесконечная дорога жизни простирается перед ним, уходя далеко за горизонт:

*И я по ней иду – и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.*

Лишь три вещи не исчезают на свете: любовь, искусство и память, которая вопреки Экклесиасту не проходит и противостоит уничтожающей силе времени. Русская духовность – это память русского народа, переходящая в историческую, культурную память человека как сущности. Как тут не вспомнить знаменитые строки «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина: «Два чувства дивно близки нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам, // Животворящая святыня! // Земля была б без них мертва». Уместно приложить к ним – этим пушкинским строкам – комментарий Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким – родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, – так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живёт народ».

Прежде всего, история побуждает в нас моральную ответственность за свою Родину. Александр Орлов обладает ярко выраженным нравственным взглядом на историю. В его стихах прочитывается глубокий философско-эпический подтекст, видится чёткий графический контур строки, слышится чёткая интонация:

*Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ –
Шёл на свет, как за правдой историк.
И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав
И что все мы с рождения грезим.*

Исторический код русского народа – это славянские корни. Только погружаясь в седую древность, можно найти ответы и в дне сегодняшнем. Главным средоточием книги «Ожившее солнце» стала Русь: культурное поле, находящееся в ней, – исконное поле Русской земли. Что есть история? Где её истоки? Как зарождалась старозаветная Русь? И тут, пожалуй, художнику-историку, полностью проникнутому этим «языческим духом колдовским», нет равных. Настоящая поэтическая мозаика бытописных сюжетов и явлений ещё не раз и удивит читателя, и отзовется в нём восторженным приливом эмоций! Мы словно погружаемся в царство гармонии и свободы, коему предшествовала та длинная интонация, что необходима как в творчестве, так и в предыстории начала языческой мощи той неведомой Руси:

*Я пробуждался, понимая: мир – ничей.
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячу лучей...
<...>
И от стогов, неубранного жита
На небо возносился русский дух,
Освобождённый от назойливого быта.*

Какая-то чудовищная сила всплывает из глубины, и со дна памяти поднимаются образы и картины, обращённые к языческим сказаниям и древним легендам, – те стержневые архетипы, что ошеломляют своеобразием творчества, сугубо индивидуальным оригинальным стилем. Лирический герой путешествует среди двух миров, легко перемещаясь от прошлого к настоящему, словно освобождаясь от давнего заклятья. «Древности вечной священные пни», «тайна, былина, загадка» – длинная цепь ассоциаций – путеводная нить воображения. Стихотворение призвано быть проводником, и оно у Александра Орлова является таковым. «Полудница» – «грудастая ржица», «Житник» – «рогатый полевик», «Жихарь» – «потусторонник», «Хозяин вод» – «повелитель рыб и водяниц», «Хранитель чашоб» – «мрачный лесовик» – это ещё с незапамятных времён персонажи мистические, крепко цепляющие наш взгляд, не исключено, некоторые из них являются вестниками несчастья, коим в той или иной степени присуща непреклонная мысль о жертве. Автор, вне сомнения, привлекает наше внимание своим литературно-мифологическим уровнем мышления, вызывает необоримое желание преодолеть внутренний страх:

*Вы мне годы не срезете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей!
.....
Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.*

Получается странная и весьма соблазнительная картина, некий жуткий гоголевский эффект стекается тяжестью нехорошего предчувствия. Тёмная радость исходит из низших миров земли, ты ощущаешь своё собственное метафизическое присутствие внутри этого колдовского пейзажа. Неповторимое и уникальное величие каждого топоса – тайна места. Духовные сущности, какими считаются

духи, боги, демоны, ангелы и другие аналогичные им персонажи, – существа земные, практически бессмертные. В стихах даётся многоликий срез глубинно-сущностных пластов национального мира. Миф и гротеск, система контрастов, гоголевская фантазмагория в русской средневековой мистике Орлова, искусно преобразовавшего художественные открытия признанного классика русской и мировой литературы, приобретают совершенно новое звучание. Синтез фантастического, эпического, сказового, реального, романтического создаёт в книге тот художественный магнетизм текстов, без чего любая поэзия утомительна и уныла. Что примечательно: художник выбирает одно наиболее яркое и чёткое изображение, с помощью которого выстраивает всё стихотворение, – свой эйдос, первообраз. Его страстно влекут и захватывают мистические иллюзии. Но именно они скрашивают нашу жизнь, и тогда, быть может: *«Ночь рассветом разгадана, // Солнце – мой золотник. // Веет запахом ладана // Алой осени лик».*

Александр Орлов уверен, что настоящая эпоха является колоссальной возможностью слияния Средневековья и Нового времени. В Средневековье не было будущего, праистория человечества явственно напоминала глубокую вечность. Плавно текло земное, невесомо струящееся время, медленно разворачивался свиток, на котором проступали очертания ползущих столетий, вбирающих в себя это царство времени, как в стихах «Тьма»:

*Неба погасшего полуоттенки
Ночь измельчила до полутонов.
Я был прижаться к тебе не готов,
Ты опустила ко мне на колени.
Время текло безвозвратно и шуло,
Ты, как и прежде, горька, холодна,
Тяжкой печалью меня обтянула...
В мрачной глуши тарабил желна...*

Враждебность этой ночи, как тать, что сродни чёрной птице желне, конкретно отвечает сухому тревожному и графическому рисунку художника, характерному плоской иконописи Средневековья. Здесь всё символично: зажжённые «пасхальные свечи» и тьма на «выжженном пне». Возникает невольная параллель с точными, выверенными образами Алексея Прасолова: *«Одарив // Пронзительным простором, // Ночь встаёт, // Глазаста и нага. / И не спит живое – // То, в котором // Звери чувят брата и врага»* (1967).

Пытаясь прикоснуться к великой Книге бытия, Александру Орлову удаётся запечатлеть момент Руси изначальной и уходящей, – её тернистый путь от язычества к христианским святыням: от пантеона славянских богов до крушения кумиров. Путь к единению Руси был труден, мучителен был и переход в подлинной вере, не отпускали идолы и жрецы, карая за отречение. Однако необъяснимых вещей на свете нет, иначе зачем писать книги. Типологические пересечения строк, пересечения эпох и судеб – две Руси встречаются у поэта в одном сакральном месте, пронизанном бессмертием:

*Дожди смывают сглазы,
Шумят наперебой,
И слушаем рассказы
Под утро мы с тобой.
.....
Объяты бездорожьем
В заснеженной грязи
На капище Сварожьем
Две веры, две Руси.*

Крепкие словесные мазки подчёркивают быстротечность ускользающей реальности. И на великом творческом древе дрожат, но держатся в этот осенний «листобой» последние живые листья, олицетворяя собой вечное таинство жизни, раскрывающееся нам в волшебных причудах словесности. Необычный образ Руси – торжество её природы, путей и дорог, богатство фольклорно-мифологических явлений и персонажей – то, что всегда останется стариной древней народной мудрости и памяти, мироощущения и самопознания, – бесценные сокровища русской культуры

заклучает в себе книга «Ожившее солнце». Сквозь исторические эпохи доносится эхо древних традиций, замедленное эхо во времени и пространстве. Слишком давние события – мифологические времена, – неспешно, тягостно, будто песочные часы, перетекающие из прошлого в настоящее и в будущее. У автора проявляется очевидный метафизический феномен к постижению национальных проблем и особенностей русского народа. Не случайно к нему приходит осознание себя как части целого, православного мира:

*Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне, что в тебе судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.
<...>
И кажется, что жизнь моя – на две
Разделена, и не стихают встряски.*

*Поддай мне наставления, подсказки:
Мне верится, что мы с тобой в родстве.
Взор пастуха зажёгся – и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его – Велес или Власий?*

Двоякость мира, философская двойственность души – две неразделённые Руси, преодолевая сменяющиеся века и эпохи, идут рядом. Донное чувство, глубинное чувство родства – главная сближающая сила жизни и поэзии. Христианство открыло канал для творческой энергии древнерусских людей, тогда как в Средневековье путь был замкнут. Корневая русская традиция прежде всего связана с природой. В поэзии Александра Орлова ничего не происходит без природы, которая несёт нам органическое сочетание былого и современности. К примеру, в стихах «Травница» мы проникаемся секретами средневекового целительства, где ведущая роль всегда принадлежала лекарю и его врачующей силе:

*С лесов, полей, болот, долин и роц,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвоц.
.....
Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.*

В течение всей своей земной жизни травница бескорыстно помогала людям, но близится час окончательного ответа. Хотя Господь милостив и даёт время, и пока ещё срок не пробил, в краткие минуты отдохновения спешит она прошептать сокровенное молитвенное слово: «*И плачет в одиночестве навзрыд, // И кается впотьмах под образами. // И верит, что Христос её простит // И примет с искуплёнными грехами*».

Как видим, не отпускает человека архаичная Русь, генетически впитавшая память народа, и в то же время зовёт новая – та, что полнится верой, молитвой, покаянием. Автор придаёт своим пейзажам черты безусловной естественности. Они зримы, графичны, они будто пришли из той забытой жизни, из вечных снов нашей земли:

*Прощальный снег во время зимобора
Уходит осмотрительно и скоро
И забывает мне сказать о том,
Что прошлое в сознание ледяном.
Нагонит в полнолуние злобных стуж,
И я увижу сотни русских дуи,
И каждая покажется близка...*

Было в этом пейзаже что-то сказочно-древнее, стихийное, как ветер и солнце. Зима для поэта, вне всякого сомнения, – самое любимое время года. Действительно, зимних стихов в книге столько, что художник словно нанизывает их на холодный стержень. Невероятно много снега, стужи, льда, воды, вьюг, метелей, холодных дождей... Трудно переоценить сакральное зна-

чение водного пространства у восточных славян. «В дождях и вьюгах – всепрощенья знаки // Им посылает Тот, Кто был распят», – лаконично напишет поэт в произведении «Параклит», воистину утешающим страждущих и заблудших. «В очертаниях зимней строфы» появляются покрытые чем-то доселе неведомым стихи: «Последний Зимогор», «Разнозимье», «Перволёдые», «Сугробы в полночь...». Зима приносит человеку скованность чувств и мыслей, застывает всё вокруг, и природа погружается в спячку. Пожалуй, на тему зимы можно было бы составить словарь неординарных эпитетов, выражений, сравнений и цитат, так блестяще используемых в поэзии Александра Орлова. Однако подобное занятие требует весьма немалой скрупулёзной филологической работы. А по сему ограничимся лишь некоторыми литературными образцами, которые характеризуют эту окутанную тайной природную стихию: «снежная кабала», «льди-стая челобитная», «снеговина», «вселенские снега», «снежные катера», «сезон глухозимий», «день водяных коляд», «волком воют ветра», «ледяной серп», «хладнолицая зима». Безмолвно и торжественно берёт нас в свои тиски мистически-загадочная зима, немилосердный холод «пробирается к сердцу», очень похожий на холод Космоса. Кажется, что зимним строкам Александра Орлова отзывается и поэтический «ледяной дождь» нашего современника Николая Перяслова, поразительно точно передавшего состояние природы, настоящего момента и человека во времени: «Стынет сердце ледышкой в груди. // Новый век, как метель, сатанеет. // Мрак и холод лежат впереди, // И душа от тоски леденеет». Вот и в книге Александра Орлова даже любовь – это дыхание зимы и дыхание острой боли. Вполне понятны и близки авторские ассоциативные движения души, вызванные взаимопроникновением эпох, историческим опытом народа, духовной традицией, очарованием далёкой старины, первозданной красотой природы, сочетанием её магических красок. Русский человек испокон веков жаждал сильных ощущений. Три основных круга, три цикла природы, замыкающие ход бытия, поочерёдно сменяя друг друга, создают в представлении художника слова образную широту художественного изображения мира: зима – сказочно-былинная песнь Руси; весна – «белая прачка», возрождающая ослепительную новизну жизни, осень – внутреннее умирание и начало прозрения. За каждой метафоричной строкой чувствуется огромная земная мощь, связывающая автора с природой Руси и явственно обозначающая в его творчестве народность мирозерцания, истоки отчей памяти, единство всего живого на земле.

Более того, поэтическое живописное слово – это постоянное приближение к некоему идеальному, святыщемуся миру, – той реальности, какую мы ищем во снах, озарениях, духовных практиках, мистических состояниях. Быть может, это источник идей, о которых писал Платон и которые существуют в ином, изначально тонком измерении, впоследствии превращаясь в плотную, нам всем знакомую, но исчезающую реальность. Между тем смысл творчества выражается в работе автора над созиданием себя самого, в стремлении к исконной серьёзности, к тому так до конца и непознанному феномену, убедительно свидетельствующему о том, что память превыше времени. Через духовный поиск мы вместе с лирическим героем обретаем единство человека и земли, обретаем понимание главных истин бытия. Напряжена поэтическая строка, подчас по-мужски сурова, заключая в себе высоту духа и чекан мысли. Без пафоса и надрыва звучит драматическая исповедь, но есть в книге Александра Орлова и отповедь, и непреклонность суждений. Он и его условный герой живут в двух пространствах, странствуя по этому дивному краю, – это во многом странствия вслед за легендарными русскими богатырями-победителями.

Что интересно: человек со своим выбором пути каждый раз создаёт свою собственную историю и свою собственную вселенную, потому что им управляет мечта, миф, фантазия. Извечная русская проблема выбора путей, которая волнует поэта, заставляет нас почувствовать ритм истории, уловить момент настоящего. Теперь мы знаем: человеческая история имеет начало и устремляется к своему концу. Повествуя о временах отдалённых, история не боится заглянуть и в наше с вами завтра. В Средневековье люди недаром ценили непрерывность. Ведь история – лишь путь, по которому идёт человек. На этом пути можно умножать добро или сеять зло, и это зависит от выбора каждого. «Выбор жизни – не самообман!» – афористично подтверждает Александр Орлов. Вот так же вдруг нежданно-негаданно приходит к нам извне волевое решение. И по его же мысли: «Всё происходит в жизни неспроста...» Творческой личности сложно избежать проблемы экзистенциального одиночества. «Литература есть дело одинокое», – справедливо считал Юрий Трифонов.

У каждого своё везение, своя звезда: Рубцов воспел немеркнущую «звезду полей», Шукшин – алтайскую звезду, верно подметит Орлов. Если в его стихах и сквозит некая покинутость, потерянности во времени, то это прежде всего – прозрение личного вселенского сиротства, – но не претензия на оно. Он пытается отыскать свою звезду и ведёт свой бесконечный, непрерывный разговор с небом:

*Меня спасал в дорогах только Бог:
Я дом забыл, приметы и поверья.
Чего я жду? От неба звёздных крох.
И годы провожу в земном задверье.*

Путь постижения бытия – реального и метафизического, земного и небесного, исторического и сакрального – сотворяется у нас на глазах: «Во всём исчезнет суета, // Когда, в искании приюта, // Ты познаёшь в себе Христа... // И заполняется пустыня // Разливами великих рек, // И видишь ты: идёт по полю // Рождённый горем человек...» И кажется, что само провидение приходит ему на помощь. Пути Господни неисповедимы, и путь человека начинается на земле, по которой когда-то бродили пророки. Александр Орлов словно поворачивает «магический кристалл» времени, «вникая в таинства историй», он слушает правдивые речи Фёдора Власиничника, внутренне освобождаясь от былых сомнений и страхов. Тут весьма поучительно и стихотворение «Ловцы», где поэт индизательно излагает библейский сюжет про братьев Андрея и Петра, которые занимались своим обычным ремеслом – ловили рыбу – и которых Господь однажды призвал стать «ловцами человеков» (Ин., 1:41–42). Причём эта история из Евангелия, истолкованная им в таком оригинальном повествовательном ключе, вполне закономерно приобретает основательные жизненно-философские обобщения.

Как неопровержимое заключение, возможно, сделанное в рамках допущенной смелости, звучит его категорический императив, образно обращённый к родовой памяти, к родовым корням, хранящим «сень родовых крестов», и при этом повелевающий: «Слышу, зовёшь – зачем? // Мне не найти слов, // Будто бы глух и нем. // В душу ко мне не лезь, // Что тебе до меня? / Молвь, почему я здесь?» Да, автор подземно связан с Россией и явственно слышит зов прошлого: «Это в золе костра – // Сень родовых крестов». Но где оно, его столь безмятежное счастье, которое даже во снах о прекрасной Руси не может длиться вечно? «Нас поджидает час расплаты», – таков вывод и таково гражданское чувство личной ответственности и личной вины, переживаемое Александром Орловым. Что происходит с народом? Бесконечные войны, душевная усталость, страшное безверие, неоправданные надежды... Откуда и от кого ждать помощи? Одухотворённое слово, мощное, даёт нам поэт, промыслительно видя впереди узкую и трудную, но самую главную дорогу – дорогу к Богу. И пусть:

*Наш век сырыми войнами рождён.
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.*

Символично, что книга «Ожившее солнце» начинается с дороги и дорогой завершается, значит – будет продолжение... Солнце – врата в грядущее. Начертать новое и небывалое, оживить традицию – эти столь сложные задачи, надо сказать, автором удачно разрешены. Фридрих Шлегель в разговоре о поэтическом творчестве писал в своих «Идеях» о том, что в основе поэзии он видит бесконечное, а «универсальное нельзя ни объяснить, ни постичь, но лишь открыть и созерцать». А ещё, в чём убеждён Александр Орлов, верить небесной силе огня, от которого подобно древней взлетевшей ввысь птице Феникс неоднократно возрождалась и Русь, обречённая выстоять. Ибо иного пути просто нет:

*В объятых многоликих свеч,
Мир предстаёт – широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сберечь.*